Повитель

Автор:
Галина Прудникова

Повитель

Галина Прудникова

О стихах Галины. ЛелекайКуллэ Виктор. «Очень понравилось: органично, убедительно и светло. Большая редкость по нашим временам, когда после прочитанного стихотворения теплое доброе чувство остаётся».Стрельцов Михаил. «Это очень хорошие стихи».Гутковский Владимир. «Экзотичность текста мнима. Он об универсальных человеческих ценность».Карпенко Александр. «Хорошие стихи».Пучковский Михаил. «Ну кругом хорошее. Мне не хотелось раньше времени выходить из пространства текста».

Повитель

Галина Прудникова

© Галина Прудникова, 2021

ISBN 978-5-0053-3772-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Галина Дмитриевна Прудникова

ПОЛЫННЫЙ КРАЙ

Полынь, полынь… Степных полей царица,
Где свеж рассвет и где закат багров.
Судьбе поклон, что довелось родиться
В краю шальных порывистых ветров,

В июльский зной вдыхать бальзам полезный,
Сушить траву в тени на чердаке
И пить отвар от множества болезней
На кипяченном сладком молоке.

Мохнатых листьев трепет серебристый —
Полынный край, мой милый отчий дом,
Могил отца и брата обелиски,
Что на погосте за родным селом.

Уроки жизни, словно Божья милость,
В бескрайнем небе клином журавли…
Не у тебя ль, полынь, я научилась
Держать удар, согнувшись до земли?

Я говорю о том не позы ради,
Не ради сладких, пафосных речей…

Полынь, полынь, свои седые пряди

Даю на откуп мудрости твоей…

ПОВИТЕЛЬ

Расплелась повитель в огороде —

одолела созревший чеснок.

Серафима неслабая, вроде,

но она абсолютно не против,

чтобы кто-то пришел да помог.

А помощников нет – одинока.

Но не станет на долю пенять —

ни всерьёз, ни шутя ненароком…

Суетится поодаль сорока

да мяукает кот у плетня.

Все порывы подсобной бригады —

стрекотать и валяться в тени.

Серафиме работа – в награду,

ей большого богатства не надо —

были б смыслом наполнены дни.

У межи развесёлая Зойка:

«Приходи, пирожков напеку!

Испытаем, крепка ли настойка».

«Ишь, забыла, как прыгала в койку
к мужику моему, ходоку.

А теперь – дорогая подруга!
И надёжней ещё поискать!»
…Солнце золотом чертит по кругу.
Повитель и цепка, и упруга;
зелена, словно вдовья тоска.

Третий год муженёк на погосте.
По усопшему память светла…
На душе ни печали, ни злости.
И пойдёт Серафимушка в гости
к той, которой волосья рвала.

Опрокинут по паре стаканов,
самогон пирожком закусив,
«Шёл казак на побывку…» – затянут,
и по старой традиции станут
друг у дружки прощенья просить —

за подлянку, за драные патлы,
за измазанный дёгтем забор,
за года, что ушли безвозвратно…
Будет литься, немного невнятный,
двух заклятых подруг разговор.

Посиделки закончатся поздно.

Выйдет на небо месяц немой,

поплывёт в тишине коматозной,

и провиснут досужие звёзды,

провожая «гулёну» домой.

Всполошится ночная кукушка —

напророчит спросонья лет сто.

Усмехнётся казачка: «Болтушка…»

И совьётся на стылой подушке

вдовий сон повителью густой.

ЗВЕЗДОЧЁТ

Он каждый день приходит в парк. Он хмур и неопрятен.

Известный в прошлом звездочёт, угрюм и одинок.

Когда-то бывший модным плащ пестрит плеядой пятен.

Астролог всем ваял судьбу – себе сложить не смог.

Пойдёт по Млечному пути. Когда-нибудь. Не скоро…

Увязнет в зыбком молоке подол его одежд.

Затихнут где-то позади пустые разговоры,

Исчезнет боль земных потерь, несбывшихся надежд.

Ворсистым нежным лоскутом космического плюша —

На грешно-праведной земле не водится такой —

Запеленают небеса родившуюся душу,

И вспыхнет звездочкой душа, и обретет покой.

***

За работой, за ночными сменами

прозевала собственную дочь —

суицид со вспоротыми венами,

роды, блуд, побег из дома прочь.

Выжил внучек, даром недоношенный —

радовал сноровкой и умом.

Только одиночество непрошено

просочилось в старый бабкин дом.

Всё хозяйство – две несушки курицы.

Хоть одно, но каждый день, яйцо.

Двор зарос – осот на солнце жмурится.

Покосилось ветхое крыльцо…

Верится старухе – всё устроится.

Пишет внук – приедет – всё решит.

Не дождавшись, померла на Троицу.

Курочки сгодились для лапши…

МОИ ДОЖДИ

Тихая палата. На стене икона —

строго и смиренно смотрит Всецарица.

Высятся штативы с «гроздьями» флаконов.

За окном осенний листопад кружится.

За окном дождливо… Кисти винограда —

вот они – живые, к стёклам прилипают.

Мне б сейчас наружу – большего не надо,

но нельзя, не смею…. Остаётся память:

туфельки разумно прячу в коридоре —

под дождём намокнут – расползутся точно.

По ступенькам мокрым отбиваю: до, ре…

Босиком танцую в месиве песочном.

В памяти всплывают школьные картинки —

изучаем чувства. Класс четвёртый? Пятый?

После школы дождик. Одноклассник Тимка.

Куцый плащ-Болонья, на двоих распятый.

Стол, в саду накрытый. Сад в цветенье пышном.

Ливень, налетевший – не пойми откуда.

Чёрный чай душистый с лепестками вишни.

Бегство на веранду. Торт, спасённый чудом.

…А сейчас на дождик не рискую выйти

в силу, а точнее – в крах иммунитета.

Преумножив грусти, поубавив прыти,

дождь ко мне приходит в склянках и пакетах.

Ядовитой влагой лечит и калечит,

выдаёт по капле, прожигая вены.

…Под открытым небом мне приятней встречи —

я расправлю плечи, и в какой-то вечер

соберусь и выйду. Выйду. Непременно.

Непрошеный гость

Осенний лист, разлучно жёлт,

кружил постыло.

Ты так непрошено пришёл —

и я впустила.

С дрожащих плеч упала шаль —

греховным комом.

Взывала к разуму мораль —

«едва знакомы!».

Не затихал в подъезде блиц.

Поди ж ты – чудо! —

среди назойливых синиц —

журавль! Откуда?

Ты б не пришёл – не будь беды —

крыло помято.

Мне жаль, но нет святой воды,

из церкви взятой.

Мы затаились в тишине

под сенью мрака —

без чутких трепетных теней

по Пастернаку.

Туман рассеется к утру,

слезой растает.

А я в полёт не соберусь —

чужая в стае.

Тебе, журавушка, дано

быть вольной птицей.

…Рябины гроздья за окном

клюёт синица…

ФЕЛЬДШЕРИЦА

Крахмальные шторки на чистых окошках,

подбелена печь – до осенней поры.

Сбежав от «забот» хуторской детворы,

в углу у порога устроилась кошка —

разнежилась томно, но дремлет сторожко —

уж больно «кошатники» эти хитры.

Пришла баба Фрося: «Пощупай печёнку.

Полночи, зараза, «давала дрозда».

Ужасная боль – не могу передать».

«Понятно, на ужин картошка-толчёнка

да шкварок немеряно».

«Люся, о чём ты?»

«Нельзя тебе сало, уймешься когда?»

Тайком от жены появился лесничий —

была бы причина – аптечку собрать.

«Ой, девка, пора тебе замуж, пора!»

«А что, разведёшься?»

Вполне симпатичный,

но Люське не чужды законы приличий.

Женатый – чужой. Непреложна мораль.

По возрасту – дама, немного за тридцать.

Окончена школа, диплом защищён.

Вернулась на хутор, куда же ещё?

Работает Люся простой фельдшерицей

и ждёт неустанно заезжего принца,

а принц-то, видать, не рождён, не крещён…

С утра веселее, к обеду – тоскливо.

Прошёлся народ и осел по домам,

И снова одна – виновата сама.

Премудрая кошка взирает пытливо

И об ноги трётся, мурлыча с надрывом,

И ждёт валерьянку – кошачий дурман.

Вдоль хутора трасса. Несутся машины.

Уверена Люська – в счастливую жизнь.

А ей остаются одни миражи,

и вместо курлыканья – крик петушиный.

А зеркало, сволочь, считает морщины…

И облако в небе фатою кружит…

ЛЕЛЕКАЙ

Под нажимом колёс в колее утопает лишайник.

Лобовое стекло вездехода штурмует мошка.

Мы с отцом, взяв собаку – красавицу умницу Шани,

Едем к давнему другу в чукотский посёлок Нешкан.

К нам выходит старик, начинает забавно сюсюкать,

Но, увидев борзую афганских чистейших кровей,

Говорит деловито: «Однако, хорошая сука!

Очень быстро бежит! Многих наших «пастушек» резвей.

А глядит на меня, как моя хитроумная бабка!»

И смеётся, довольный – удачную шутку изрёк…

«Лелекай два оленя даёт за такую собаку —

Соглашайся, комбат, два оленя – хороший «паёк»!

Мой отец несговорчив: «Армейского друга подарок —

Из Кабула в Анадырь… Прости… Не сойдёмся никак!»

Примостившись на днище лежащей на солнце байдары,

Старый чукча смолит презентованный батей табак.

После каждой затяжки смакует янтарное пиво:

«Алексей, успокойся! Не ной, подтяни-ка соплю…

Нет обид никаких… Лелекай – человек терпеливый.

На земле не имею – на небе такую куплю.

Значит, кончилась служба? Кухлянку примерь-ка, Алёха.

Будет память от чукчи, возьмёшь на большой материк.

Вы – на тёплое море, а чукче и дома неплохо.

Чукча к тундре привык, и к холодному морю привык».

Я – с охапкой подарков – растроган, соплив и заплакан.

Лелекай две ладони к груди: всё в душе сохраню.

Вытирая слезу, он ворчит: «Непогода, однако…»

И уходит в ярангу – поближе к живому огню.

Мне почти пятьдесят… Стёрлись в памяти сказки Чукотки,

Но одна не забылась, как будто услышал вчера —

На границе стихий на мгновенье задержится лодка,

И, всплывая наверх, ищет в небе затерянный рай.

Там, наверное, месяц свисает ажурным лукошком,

У яранги собака – как ветер, быстра и легка.

Там по россыпям звёзд, как по зарослям спелой морошки,

Бродит чукча-пастух – добродушный старик Лелекай.

АМАЗОНКА

«Амазонкам привет!» – старый слесарь блистал эрудицией,

Появившись в палате – защёлку чинить на двери.

Осадить за обидный намёк? Не пристало в больнице…

И силёнок в обрез у одной из «мифических жриц»…

Амазонка? Пожалуй. По жизни – охотница-лучница.

Сколько пущено стрел – с каждой новой добычей острей.

Но оставлен колчан – впредь охотиться вряд ли получится.

Сорок прожитых лет – ни любви, ни семьи, ни детей.

Нестерпимая боль. И вопрос – ну, кому я, ущербная?

Перед сном димедрол, и считать не придётся до ста.

…А наутро – на тумбочке нежная веточка вербы.

Продолжается жизнь. Скоро Пасха. Попробуем встать…

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Старый дом над рекой. Выше окон сирень.
У колодца журавль тянет шею скрипучую.
В три ступеньки крыльцо – козырёк набекрень,
вдоль забора калина лохматыми тучами.

Тут своим чередом продолжается жизнь —
наперстянка цветёт, рассыпаясь напёрстками,
и соседка бежит:
– Погоди, покажись!
Дождались, наконец-то, красотку заморскую!

Тихим стоном встречает просевшая дверь —
я ступаю под своды печального таинства.
Этот дом для меня – мир духовных потерь,
и напрасно душа оправдаться пытается.

Вспоминаю – в лампадке искрился огонь —
у старинной иконы, годами намоленной.
Жмётся к стенке софа. Строгий бабкин закон —
ни сидеть, ни лежать на софе не дозволено.

– Принимаешь гостей?
– Не могу отказать.

Ни хозяйка, ни гостья – залётная птица я…

Взгляд раскосый, прищур, та же зелень в глазах.

И за годы болотная тина не выцвела!

Первых скомканных слов осыпается фальшь.

Упаси от безумства, дай разума, Боже, нам!

Затаилась в алькове трусиха софа,

но напрасно – не будет она потревожена.

Мы теряем любовь, обретая судьбу.

Разлетелась тоска ароматом сиреневым.

Виноватого взгляда немую мольбу

щедро кину на откуп – ушедшему времени.

…Улетаю в Париж. Звук ревущих турбин.

Белый лайнер летит над кубанскими плёсами.

Завтра встретит меня плод опальной любви —

молодой парижанин с глазами раскосыми.

А ЛЮБОВЬ

А любовь – не вещь и не собственность,

Молодым она – не приданое.

И не так уж оно выносливо —

Чувство, Богом обетованное.

Твердолобы в своей упертости

Наши лица взаимно постные.

И любовь, потакая гордости,

Разлетелась кусками острыми.

Я большие осколки вынула

Из души своей искалеченной,

Но любовь меня не покинула,

Прицепилась на веки вечные.

Сколько раз я тобой ученая,

Но до гроба – твоя попутчица.

В сердце словно стекло толченое —

Выбирай всю жизнь – не получится.

А вокруг все твердят: вы – разные!

Сорок лет уж твердят, болезные.

Параллельно мне, не согласна я,

Все суждения бесполезные.

Ты – единственный, всё понятно мне!

Я впадаю с тобой в язычество.

Очевидное – невероятное —

В предостаточном количестве.

«Ничего я уже не хочу…»

Ничего я уже не хочу…

Мой журавль в небесах летает.

Не прильнёт к моему плечу,

Оторвавшись от крепкой стаи.

Даже если б он захотел,

Ничего уже не случится —

Он останется не у дел —

Место занято, там – синица.

А ВСЕГО-ТО

А всего-то – опять ночь.

Как обычно – луна в окно.

Все сомненья давно – прочь,

И теперь уже всё равно —

Я люблю тебя или нет,

Обожаешь ли ты меня.

На излёте моих лет —

Благодатная западня.

ЖИЗНЬ ЧУЖАЯ

Жизнь чужая – как чужие окна —

Тюль ажурный, комнатный цветок.

Козырёк, чтоб рама в дождь не мокла.

Что за ней – не ведает никто.

Свет горит, мелькают силуэты —

Манит запотевшее стекло.

Чья-то жизнь – счастливая планета,

На которой чисто и тепло.

Движутся размытые фигуры,

Словно фильм загадочный идёт.

Я стою, глазею – вот же дура!

Мокну под занудливым дождём.

«Всяка хата горюшком напхата» —

Вспоминаю старую мораль.

Нет судьбы без горя и утраты,

Чтобы горы счастья и добра.

В духе пилигримовского стиля

Кутаюсь в промокший капюшон.

Я надеюсь – все меня простили.

Кто меня обидел – мной прощён.

Оставляю за чужой оградой

Призрачного счастья абсолют.

Никакой другой судьбы не надо —

Я свою, опальную, люблю.

ЗАСНЕЖЬЕ

По серебру бескрайнего заснежья
скользит луны дорожка золотая.
На глади снега, ровной и безбрежной,
планеты вечной нега излитая.
В подлунном царстве затерялась Муза,
среди дерев беспечно заплутала.
Внимая звукам сказочного блюза,
зависла в тонких ветках краснотала.
Чудесна ночь… Холодный свет струится
и манит в глубь другого измеренья.
…Пройдя сквозь плазму призрачной границы,
летят с небес флюиды вдохновенья…

УХОДИТ СТАРЫЙ ГОД

Уходит старый год, стремительно уходит.

Ещё немного дней – исчезнет навсегда.

Открыткой упадёт на донышко комода

И освежит архив за прошлые года.

Растает старый год снежинкой на ладони,

И капелькой воды прощально заблестит.

Он сделал всё, что мог – правдив и непреклонен —

Мой старый добрый год на финишном пути.

Уже недалеко до горизонта кромки,

И я ему кричу: «Послушай! Задержись!»

Но заметает след колючая поземка.

Увы, на целый год моя короче жизнь…

Он всё равно уйдёт. Вердикт- без вариантов.

Сорвётся снег с небес – доверчив и пушист.

И прозвучат в ночи кремлёвские куранты,

И ляжет мир у ног, как чистый белый лист.

ИЮНЬ, ЖАРА И ПОЛУНОЧНЫЙ БЛЮЗ… (СОНЕТ)

…Июнь, жара и полуночный блюз,

Адреналин и «море по колено»,

А на губах черешни сладкий вкус

И торжество осознанного плена.

В густой траве обрывки белых бус,

В бездонном небе томная селена.

Туманность мысли, зрелых ласк искус —

В годах воспоминание нетленно!

Ах, эта память, как упругий кнут —

Сезам раскрыт, рассыпался кунжут,

Тот краткий миг бессмертьем осыпая.

О, ностальгия – лет прошедших тень…

Моя душа – наивная, слепая —

Спустя года доступная мишень.

ЮБИЛЕЙ – 40 ЛЕТ СО ДНЯ ОКОНЧАНИЯ ПФИ

Спустя года – из юности привет —

Солидный юбилей! Он сердцу дорог!

Дипломам нашим нынче сорок лет

И каждому из нас как будто сорок!

Какие наши годы! Ерунда!

Ведь есть ещё в пороховницах порох!

Душа ещё, как прежде, молода,

И верится, что нам сегодня сорок!

Болезням – бой! Протест – календарям!

И мысль ещё свежа, и ясны взоры.

Сегодня – не седьмой десяток нам,

А каждому из нас, конечно, сорок!

И встреча наша будет яркой пусть —

Улыбки, смех, воспоминаний ворох!

Ритмичен будет на запястье пульс —

Ведь каждому в душе всего лишь сорок!

ОНА МЕЧТАЛА С ДЕТСТВА О МОСКВЕ

Моей однокурснице – Людмиле Зазиянц – посвящается.

Она мечтала с детства о Москве,

Хотела стать хорошим дипломатом.

Но полюбился пятигорский сквер,

Фарминститут – любимый альма-матер.

Хотела все успеть, весь мир согреть

И лучшей быть во что бы то ни стало,

Ценить друзей и сердцем не стареть,

Любить того, о ком всю жизнь мечтала.

Повсюду заводилою была,

Но фирменный конёк её – эстрада:

Блистая златом, лодочка плыла,

В высоком терему жила отрада…

Прошли года… Две трети позади…

И жизнь свою на ноты не положишь…

Всё чаще барахлит мотор в груди,

И лишь душа мудрее и моложе.

Девчонка та по-прежнему поёт

И верит, что в лесу растёт сосёнка.

Летят года, а лодочка плывёт,

Но за веслом – совсем седой «мальчонка».

Хотя… Бывает ночка потемней…

В высоком терему, что за рекою…

Веселье и кураж – по жизни с ней,

Она не исповедует покоя!

Непросто с ней… Правдива и горда!

Кто биополем слаб – придётся туго.

Как в юности, стройна и молода —

«Свой парень» – Заза, верная подруга!

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ СОН

Ностальгический сон, растревоживший душу,

Мне приснился под утро, в четвертом часу.

Пламя лет молодых дождь времен не потушит —

Я по жизни его, как святыню, несу.

Искромётная юность, безбожно-святая —

Ни вернуть, ни забыть – вот такие дела —

Над рутиной забот словно Феникс летает

И роняет перо золотого крыла.

Этот сон запакую в конверт шелестящий,

Напишу «Пятигорск» на строке – адресат.

Пусть хранит его город истории нашей —

Золотого студенчества сказочный сад.

ТЫ – ЧУЖАЯ СУДЬБА…

Ты – чужая судьба… Не моя… Не сложилось…

Справедливый закон или глупая лживость?

Но поверь, я давно ни о чём не жалею,

Позабыта скамья в той тенистой аллее.

Ворошить не хочу ни намёком, ни взглядом…

Всё, что было, прошло… А прошедшее – свято.

Параллельны миры и волненья напрасны.

Дружелюбны звонки и слова не опасны.

Разметались пути, мне оставив уроки.

Глупых писем моих не прочитаны строки.

Апельсиновый сок и ликёр амаретто…

Это было давно… Да и было ли это?

ЗАВЛЕКЛА НЕБЕСНАЯ ТРЯСИНА

Завлекла небесная трясина,

Тонкой зыбью расплескалась в сердце…

Шёлковой пелёнкой светло-синей

Спеленала душу, как младенца…

Облака волнистыми слоями

Распушились, словно пух лебяжий…

Солнышко, рассыпавшись лучами,

Обернулось золотистой пряжей.

Красотой небес нерукотворной

Невозможно нам не восхищаться!

Не напиться сини чудотворной!

Воздухом небес не надышаться!

НЕЖНАЯ ОСЕНЬ, ГРОЗДЬЯ РЯБИНЫ…

Нежная осень… Гроздья рябины…

То ли кораллы, то ли рубины…

Терпкая горечь, поздняя ласка…

Кроны резные – пламени пляска.

Желтая липа, листья – сердечки…

По небу блудит тучка-овечка.

В медной чеканке ветки ореха…

В гнездышке птенчик – мамке утеха…

В чуткой дремоте мудрая кошка…

Плачут березы, свесив сережки.

Золотом блещут их сарафаны…

В сини бездонной – птиц караваны…

ВЕТЕР

Бесновался всю ночь ветер,

Непонятно, чего ради?

Бил по стенам тугой плетью

И со стоном крылечко гладил.

И в каминной трубе шарил,

И заслонкой звенел рьяно.

Голосил он без всех правил

От контральто и до сопрано.

Золотистой листвой рыжей

Декупажем лепил окна…

…Лишь к утру на простор вышел

И улегся в бурьяне блеклом…

ОСЕНЬ

Надоедливый дождик, разухабистый ветер

Да повеса-ноябрь в опустевшем саду —

Прокутили валюту, облетевшую с веток,

В оправданье свое выдают ерунду.

Золотые дорожки размотали на пряжу,

Оплатили с лихвой пикничок на троих.

Захмелевшая осень утаила пропажу —

Видно, в доле она и в почёте у них.

Облетевший орешник – музыкант-самоучка —

На соседнем плетне барабанил, чудак…

А под утро туманом серебристо-тягучим

Бинтовал свою боль, обессилен и наг.

СОБИРАЛАСЬ В ПОЛЕТ ЖУРАВЛИНАЯ СТАЯ

Собиралась в полёт журавлиная стая…

Осторожные птицы из долины озёрной,

На пустые поля табуном вылетая,

Выбирали в стерне переспевшие зёрна.

Шумно били крылом и зазывно трубили.

Вожака выбирая, обсуждали маршруты.

На высоких ногах величаво ходили,

Поселяя в душе непонятную смуту.

За разбегом – разбег… И, придя в равновесье,

Поднимались внезапно по воздушным термалям.

И трепещущий клин воспарял в поднебесье,

Рассыпая тоску и флюиды печали.

Не ищите в строю для себя промежутка

И оставьте в покое журавлиные стоны!

Это просто момент, светлой грусти минутка…

Возвратятся весной журавли на затоны…

ПОУТРУ СИНИЧЬИ ТРЕЛИ

Поутру синичьи трели

Колокольчиком звенят.

У рябин плоды зарделись,

Красотой своей пленя.

Осень, ягоды и птицы

Затевают ворожбу.

Эй, подруженьки-синицы,

Погадайте на судьбу!

По старинному преданью

Я к рябине подойду

И, начав своё гаданье,

Чудо-ягоду найду.

Надкушу её немного,

Покатав на языке.

И развеется тревога

На осеннем сквозняке.

Что за вкус? Сейчас узнаю.

Может, нежности чуток?

Остроты с оттенком рая

Или горечи глоток?

Терпкой сладости с кислинкой,

Страсти радужной искус?

Иль покажется малинкой

Мне рябины горький вкус?

Вкус малины у рябины?

Это вряд ли… Ну а вдруг?

Малахитовые спины

У моих синиц-подруг…

Нагадаю сладких будней,

И страданий при луне.

…Только пресности не будет —

Это – точно не по мне!

ПРОЛЬЕТСЯ ОСЕНЬ…

Прольётся осень затяжным дождём,

Сорвутся листья с перемытых веток,

Багряным лакированным паркетом

Под ноги упадут ненастным днём.

Вода и пламень – осени каприз…

Да как такое в принципе возможно?

Но тянется лениво-осторожно

Деревьев легкомысленный стриптиз.

Упрямый дождик, не боясь молвы,

Лобзает кроны вплоть до неприличия…

И смотрится на диво органично

Под каплями дождя огонь листвы.

А в голове такая чехарда!

Понять бы только – как договорились

И в сказочном экстазе закружились —

С деревьев – листья, а с небес – вода…

ОСЕННИЙ ЗВЕЗДОПАД

Осенний звездопад… Роняет небо яхонты,

Сияет небосклон таинственным убранством,

Парят скоплением звёзд пласты небесной пахоты

И манят вглубь миров могучего пространства.

Таинственность планет… Созвездия, созвездия…

Блистает Орион, зеркально пирамиде.

И всемогущий Зевс, приняв обличье Лебедя,

Спешит по морю звёзд к прекрасной Немесиде.

Загадочная жизнь, на сто веков размерена —

И нам не изменить космических законов.

Лишь только в сладких снах – премного раз проверено —

Мы можем просто так гулять по небосклону,

Где чертит вечный круг усталая Медведица

И тянут плуг волы под плетью Волопаса…

…И кто-то до сих пор по-прежнему надеется

Поймать и оседлать крылатого Пегаса…

ЗАВОЛОКЛО НЕБЕС СЕНТЯБРЬСКИХ ПРОСИНЬ

Заволокло небес сентябрьских просинь

Промокшей светло-серой пеленой.

Унывно распевает песни осень,

Звуча глухой простуженной струной.

Душе моей приятна непогода:

В порывах ветра – листьев карусель,

Гроза, в ночи берущая аккорды,

И дней сырых осенних канитель.

В ненастный вечер ощущаешь остро

Камина жар, чуть слышный треск свечи…

И плавятся, стекая тёплым воском,

Душевные терзанья-палачи.

На столике – душистый чай с жасмином,

Заваренный ворчащим кипятком.

И выглядят по-новому невинно

Надтреснутые чашки с ободком…

И ЛАКИРУЕТ ДОЖДЬ ПЛАФОНЫ ФОНАРЕЙ…

И лакирует дождь плафоны фонарей…

…и лакирует дождь плафоны фонарей,

дрожит сырая мгла и не нащупать небо.

Завис промокший сквер в полночном янтаре —

и мой балкон плывёт в загадочную небыль.

На небе нет луны и звезд на небе нет —

все звезды на земле листом кленовым пьяным.

Лишь свет от фонарей… А за стеной сосед

Бетховена шедевр разучивает рьяно.

И этот лунный звук – задумчивый минор —

звенит в моей душе пронзительной рутиной.

И золотится дождь по остову опор,

стекая на асфальт блестящей паутиной…

ЛИСТОПАД

Обозначила судьба

Новый перекресток…

Фразы, мысли невпопад…

Это – просто листопад…

Это – осень просто…

Грациозно на ветру

Лист кружит багряный.

Ворох листьев соберу,

Надышусь, как на пиру,

Ароматом пряным.

Сказочно фундук красив —

Шик листвы калёной!

Зыбко в воздухе висит

Блеск оранжевых осин

И роскошных клёнов!

И прохладный воздух свеж,

И деньки короче…

Листья подняли мятеж

Цвета злата, цвета беж —

Осень, между прочим!

ДЕРЕВ ОСЕННИХ КРУЖЕВНАЯ ТЕНЬ…

Дерев осенних кружевная тень

Манит к себе сомнительной прохладой.

В природе успокоенность и лень —

Прелюдия унылой серенады.

Стволы берёз отчаянно белы

На фоне крон, что золота дороже.

И журавлей прощальное «курлы»

Летит с небес и душу мне тревожит.

Поры осенней первые штрихи…

Закатный луч на горизонте-блюдце.

И почему-то грустные стихи,

Как тихий дождь в мои ладони, льются…

ОКТЯБРЬ-КОРОЛЕВИЧ

Октябрь-королевич гуляет по скверу,

Плетётся за ним королевская свита —

Скрипач-ветерок исполняет сюиту,

Парфюм распыляют дожди-парфюмеры.

Художница-осень златой акварелью

Малюет деревья, не зная пощады…

Ковры расстилают ткачи-листопады,

Вязальщики-будни прядут канители.

А воздух осенний – придворный аптекарь —

Бальзам для души составляет целебный,

Кольдкрем от морщинок бесценно-волшебный —

Он свеж и прозрачен – естественный лекарь.

Участливо дарят свои колориты

Изящные фрейлины – хризантемы…

И только мудрец – быстротечное время —

Взирает окрест добродушно-сердито…

ЭТА ТИХАЯ ОСЕНЬ

Эта тихая осень мне ничем не запомнится,

Дней осенних рутину унесут журавли.

Постоит и умчится златогривая конница.

Ворох листьев вздымая, растворится в дали.

Эта тихая осень только кажется тихой —

Невозможно поверить в этот ложный покой —

Наливается соком золотой облепихи,

Птичкой певчей страдает поутру за рекой.

Эта тихая осень сквозь туман улыбается.

Позапрошлое утро – снег с дождём пополам…

Я шепчу: «Не печалься, дорогая красавица,

Раньше срока не стоит уступать холодам».

Эта тихая осень – элегантная модница —

Расстелила из листьев кружевной палантин…

Эта дивная осень мне ничем не запомнится,

Среди прочих сезонов станет прошлым моим…

ХОЛОДНЫЙ ДОЖДЬ…

Холодный дождь – потоки по стеклу.

Бродяга-лист, прилипший к мокрой раме.

Отбросив страх, он тянется к теплу,

неотразим в медово-желтой гамме.

Он одинок. Наскучил хоровод

пустых надежд, бессмысленных скитаний.

Он так устал от ветреных забот,

туманных зорь и призрачных мечтаний.

Последний шанс, единственный приют.

Не этот кров боготворил и славил,

но есть места, где неустанно ждут

без лишних клятв и непонятных правил.

Озябший лист. И тёплая ладонь.

Осенний день. Ещё – остатки веры.

И прежних чувств мерцающий огонь…

И тишина звенящей атмосферы…

Я СМЕНЮ БЕЗ СОЖАЛЕНЬЯ АВАТАР…

Я сменю без сожаленья аватар

И поставлю фото нынешнего дня.

Ну, всплакну немножко: «Бедный Боливар!

Что двоих? Одну не вынесет меня!»

Захромал в дороге бравый добрый конь.

Полагала – не споткнётся никогда!

Но не сдамся! Гордо следую пешком,

Пригласив себе в попутчики года.

Только годы впереди меня бегут,

Вырываясь за границы колеи.

И ни капельки мне «форы» не дают,

Нетактичные попутчики мои!

Всё торопятся, как будто на пожар!

…Я на фото «повзрослевшее» смотрю

И шепчу себе: «Нормально! Супер стар!

Поживём и повоюем! Не горюй!»

КУКОВАЛА КУКУШКА…

Куковала кукушка (для кого – не понятно)

то ритмично и часто, то на миг умолкала,

то поблизости – чётко, то далёко – невнятно,

упиваясь нехитрой партитурой вокала.

То ли рэп забубенный, то ли звук клавесина

выдавала, стеная, непутёвая птица.

Эй, подруга, послушай, я тебя не просила!

Только в детстве, бывало, (просто так, порезвиться)

вопрошала: «Кукушка, сколько лет мне осталось?»

Затаивши дыханье, ожидала подсчёта.

А теперь эти игры – не беспечная шалость,

и угадывать сроки мне не хочется что-то…

ЩЕДРО ДАРИТ КРАСКИ ОСЕНЬ

Щедро дарит краски осень,

Тихо душу бередя…

Вот берёза, платье сбросив,

Ждёт прохладного дождя.

Неуклюж, неповоротлив —

Явно он – не ко двору —

Голой ветки иероглиф

Зыбко реет на ветру.

Ну, китайские умельцы!

Никаких преград для них!..

…Старый тополь погорельцем

В клёна пламени затих.

Янтарём пылают кроны,

Будто сказочный костер.

…И взлетают ввысь вороны

Чёрной сажей под шатёр…

ЮБИЛЕЙ

У меня сегодня – юбилей!

Ты не поздравляй меня – пожалей…

Что мне ждать от жизни? Жди – не жди…

Больше половины – позади.

Годы непокорные – под уклон…

А глаза, как прежде – синий лен.

А глаза-то старости не хотят!

Неужели стукнуло шестьдесят?..

ПЫШНЫЕ БАНТЫ…

Пышные банты – совсем ещё кроха…

Я – первоклашка, я мою посуду…

Хвалит бабуля меня – неумёху.

Знаю, хорошей помощницей буду.

Стрижка короткая, тушь на ресницах,

Тени на веках и модные стрелки…

Мою посуду… Уже – выпускница…

Ложки блестят и сверкают тарелки.

Мама, жена и провизор в придачу…

Сколько работы – посуды завалы!

Всё одолеть – непростая задача —

Нужно терпенья и силы немало.

…Дама почтенная, дама седая…

Внучка на кухне орудует ловко —

Вот уже смена пришла молодая

И удивляет недетской сноровкой.

Сколько посуды за жизнь перемыто!

Льются года, как из крана водица.

Время идёт, и ни что не забыто —

Жизнь продолжается, всё повторится...

ЭТО ХМУРЫЙ НОЯБРЬ…

Полшестого утра… Что за шум за окошком?

Это дождь или снег? Или сразу – дуэт?

Робко просится в дом загулявшая кошка —

Виновато звучит утонченный фальцет.

Это хмурый ноябрь на промокшем пороге,

Вслед за кошкой в тепло проскочить норовит.

Облетевший орех, как пират одноногий,

Голой веткой-клюкой по забору стучит.

Растоплю-ка я печь – раритет деревенский.

Кошку в дом я впущу – ведь замерзла, поди…

И забуду я напрочь о тайнах вселенских,

И приму всей душой и снега, и дожди!..

ЕСЛИ БЫ МОЛОДОСТЬ ЗНАЛА...

Если бы молодость знала…

В юности разум не блещет,

В старости силы – не те.

Бьемся, спешим и трепещем

В вечной мирской суете.

Опыт с годами приходит.

Эти бы знанья – тогда…

Но пролегает сквозь годы

Прошлых ошибок гряда.

Не обернуться по-новой,

Пятен судьбы не стереть.

Будет, возможно, суровой

Свыше терновая плеть.

Но не успеть до заката…

Набело жизнь не прожить…

Только, пожалуй, не надо

Слишком об этом тужить.

Не переделать сначала

Грешные наши дела…

Если бы молодость знала…

Если бы старость могла…

КОКЕТЛИВАЯ ЧЕЛКА…

Кокетливая чёлка, голос звонкий,

Адреналин, бушующий в крови —

Смешная угловатая девчонка

С эстрады пела песни о любви.

О, как просила девочка оленя,

Умчать её в волшебную страну…

Чтоб синий лён на пике наслажденья

Дарил влюблённым нежную волну…

А годы жизни очень быстротечны,

И смыт давно дождём оленя след…

И поезд мчит до станции конечной.

Тот поезд – жизнь – в один конец билет…

Уже мудра, чтоб слепо верить в сказки,

Но очень часто видит дивный сон —

Стрелой летит олень, зарёй обласкан,

И мнет копытом синий-синий лён…

СЕРЕБРЯНЫЕ ДОЖДИ…

Помню, в детстве ловила украдкой

Струй волшебных потоки длинные.

Все дожди были раньше сладкие,

Все целебные, витаминные.

А сейчас дожди драгоценные

Серебром меня озадачили.

Будоража время степенное,

В спа-салоне сеанс назначили.

Цель дождей высока и низменна,

Точно так же, как жизни полосы.

Серебром, словно мастер признанный,

Прядь за прядью мне красят волосы.

Я платок повяжу потуже,

Чтоб укрыться от этой краски.

Дождь такой мне совсем не нужен!

Только в жизни не так, как в сказке…

И с платком желая расправиться,

Дождь не хочет остановиться!

Детство, юность, зрелость-красавица

Пролетели, как в небе птицы.

Пронеслись, словно поезд скорый…

Нет уж!.. Старость не прозеваю!..

И навстречу дождю покорно

Я платок с головы снимаю…

ХОДИТ СТАРОСТЬ ПО НАШЕЙ УЛИЦЕ

Ходит старость по нашей улице —

Слышен стук торопливой трости.

Хрипло кашляет и сутулится,

И всё время просится в гости.

И чего по дворам шатается?

Наработала мощный рейтинг!

Всё нам что-то всучить пытается —

Тоже мне – «сетевой маркетинг»!

Предлагает ночи бессонные,

Боль в коленках и пояснице…

Всё стучится в рамы оконные…

С нею – скучных дней вереница…

Лучше с ней посидим на лавочке

И не пустим её в калитку!

Только старость – такая дамочка! —

Всё суёт нам свою «визитку»!

Не отгонишь её от усадьбы…

Но к чему нам старости нимбы?

Нам дождаться бы внучкиной свадьбы

Да и внука ещё женить бы…

Держим старость на расстоянии,

Только всё же немножко дружим:

Уделяем, как бы, внимание

И частенько зовём на ужин.

Что случилось? – Да так, ничего!

Что случилось, то и случилось —

Запланированное естество —

Наша старость – как Божья милость!

МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ

Дней декабрьских канитель

Ветерки лихие.

Каждый день пурга-метель,

Ни намека на капель —

Жуткая стихия!

В запорошенном селе,

В маленьком роддоме

Появилась я на свет —

То-то радость всей семье,

Некоторых кроме…

«Гарна дивчина», – сказал

Мой родной дедуля.

Только вот в унынье впал

Мой отец – не ел, не спал —

Пребывал в загуле.

«Ах, какая западня!

Горькая досада…»

Убеждала вся родня,

И соседи, и друзья —

Тщетно! – «Сына надо!»

Но, однако, есть конец

Всякому унынью…

Вдруг очнулся мой отец:

«Значит, так решил Творец —

Дочка вместо сына».

Заявился в сельсовет:

«Регистрируй дочку!»

А ему такой ответ:

«Чистых метрик в сейфе нет!

Надо ждать – и точка!»

А метель снега метет,

И мороз при этом…

Подытожен старый год —

Телеграфом в край отчет

Послан сельсоветом.

Метрик нет – ну полный бред!

Хоть рыдай, хоть смейся.

Родилась я в декабре,

Записали в январе —

Ровно через месяц!

В документах Козерог,

А Стрелец по сути.

То ли благо, то ль подвох-

На развилке двух дорог,

Как на перепутье…

Сотворили ерунду…

Но – не возражаю!

Не считаю за беду,

День рождения в году

Дважды отмечаю!

ПОСТАРЕЛИ МЫ С ВАМИ, СВЕРСТНИЦЫ…

Постарели мы с вами, сверстницы…

Что греха таить – постарели…

Нам и верится, и не верится —

Позади – шестьдесят апрелей!

Птички певчие века прошлого,

Умудрённые жизнью дамы.

Снегом волосы запорошены,

А на сердце у каждой – шрамы.

Драгоценные мои девочки —

Губы с запахом медуницы.

Из морщинок вуаль сеточкой

Опустилась на наши лица.

Пронеслись наши годы вешние —

Годы грешные и святые.

Но душою своей по-прежнему

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prudnikova_galina/povitel

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить